



Багнюк Владимир Борисович

ДОРОГА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Я, Багнюк Владимир Борисович, украинец, православный христианин, родился 25 мая 1925 года на Украине, в с. Захаровка Волчанского района Харьковской обл. Отец, Багнюк Борис Андреевич, выходец из крепостных крестьян. Мать, Анна Дмитриевна Багнюк (Ерёмина), уроженка с. Захаровка. В семье нас было пятеро детей, я был вторым ребенком. Член КПСС с 1944 года, в настоящее время — беспартийный.

В 1939 г. закончил с похвальной грамотой 7 классов средней школы в с. Ржевка Шебекинского р-на и поступил в Волчанский педагогический техникум. К весне 1941 года закончил 2-й курс техникума.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года в 6 часов утра от квартирной хозяйки. Начиная участвовать в боевых действиях добровольцем — с 25 мая 1942 года рядовым сборного стрелкового подразделения 28-й армии Юго-Западного фронта, которой в то время командовал генерал-лейтенант Рябышев. 7 ноября 1942 года принял воинскую присягу.

Мой боевой путь: с 25 мая 1942 г. — совхоз Первомайский, деревни Белянка, Большестроицкое, Великомихайловка, гор. Новый Оскол, Старый Оскол (май — июнь 1942 г.). Гор. Острогожск, гор. Коротояк, река Дон (июль-август 1942 г.). Приволжский военный округ, гор. Ртищево Саратовской обл., 6-я окружная школа отличных стрелков снайперской подготовки (октябрь 1942г. — сентябрь 1943г.).

Станция Инза Ульяновской обл. (ноябрь — декабрь 1943г). Район южнее Старой Руссы (декабрь 1943). Гор. Дно (январь — февраль 1944). Станция Бологое, станция Академическая, совхоз Красный Май, станция Вышний Волочок (март 1944). Гор. Сарны, станции: Рафаловка, Маневичи, Камень — Каширский, Ковель — Крымно, Малорита (апрель — июль 1944). Гор. Брест (июль 1944). Река Западный Буг, Кодень, Бяла Подляска, Седльце, Яблona-Легионово, предместье Варшавы Прага (июль — сентябрь 1944). Гор. Сероцк, Эльвинг, Балтийское море, Восточная Померания, река Висла. Гор. Кульм (сентябрь — декабрь 1944). Гор. Бромберг, Торн (ноябрь — декабрь 1944). Форсирование реки Вислы, гор.: Данциг, Гдыня, Сопот, Олива (февраль — апрель 1945). Гор.: Штерзин, Виттенберг, река Одер (май 1945).

Военные боевые действия закончил 9 мая 1945 года в гор. Гартъ южнее Шверина в составе 1009-го отдельного батальона связи в воинском звании ст. сержант на должности зам. командира отдельного взвода подвижных средств связи. Командир батальона — подполковник Петросян. Командир 114-го стрелкового Брестского корпуса — генерал-лейтенант Рябышев Д.И.

Возвращался с войны через Шнайдемюль, Бромберг, Торн, Гродно, Минск, Москву, Рязань, Ртищево, Балашов Саратовской обл.,

После войны продолжил службу в армии. В мае 1945 года был командиром в городе Шнайдемюль, где формировался эшелон в наши военные училища, и был направлен в Орловское ордена Ленина Краснознаменное танковое училище имени М.В. Фрунзе, которое дислоцировалось в городе Балашове Саратовской обл. Приволжского военного округа.

Награжден:

— медалью «За боевые заслуги» № 1045664. Вручена 1 сентября 1944 года начальником штаба 114-го СБК полковником Ткачевым от имени Президиума ВС СССР. Удостоверение подписал Секретарь Президиума ВС СССР А. Горкин. Награжден за умелые, инициативные и смелые действия, сопряженные с риском для жизни, что способствовало успеху боевых действий на фронте;

— медалью «За боевые заслуги». Вручена 9 мая 1952 года командиром 4-й гвардейской танковой Кантемировской дивизии генерал — майором Якубовским И.И. Вручена за 10-летнюю выслугу лет в Советской Армии;

— медалью «За оборону Ленинграда». Вручена начальником Орловского танкового училища в феврале 1946 года генерал — майором Вармашкиным;

— медалью «За освобождение Варшавы». Вручена начальником Орловского танкового училища в сентябре 1947 года генерал-майором Тягловым;

— медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.». От имени Президиума ВС СССР медаль вручена 20 апреля 1946 года начальником Орловского танкового училища генерал-майором Вармашкиным;

— орденом Красного Знамени № 487359. Награжден Указом Президиума ВС СССР от 28 апреля 1980 года. Вручил 1-й зам. начальника ПГУ КГБ СССР генерал-лейтенант Кирпиченко В.А. Приказ подписан секретарем Президиума ВС СССР Георгадзе;

— орденом Красного Знамени б/н. Указом президента Демократической Республики Афганистан доктора Наджибуллы. Вручена начальником ВШ КГБ СССР генерал — лейтенантом Рагозиным в октябре 1980 года. Награжден за интернациональную помощь Республике Афганистан в деле создания, становления и практической деятельности органов безопасности ХАД в борьбе за независимость ДРА;

— орденом Красной Звезды № 3757611. Указом Президиума ВС СССР от 13 декабря 1977 года. Приказ подписан секретарем Президиума ВС СССР Георгадзе;

— орденом Отечественной войны I степени № 527447. Указом Президиума ВС СССР от 11 марта 1985 года. Награжден за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов.

Освобождал: город-крепость Брест, Кодень, Бяла Подляска, Седльце, Яблona-Легионово, Прага (июль — сентябрь 1944г.).

Участвовал в боях за освобождение Восточной Померании, город Кульм (сентябрь — декабрь 1944 г.).

В войне погиб отец, Багнюк Борис Андреевич (совхоз Красное Шебекинского района Курской области). Погиб в ходе боя при наступлении немцев в начале мая 1942 года. Похоронен в лесу у совхоза Первомайский в числе других солдат, погибших в том же бою.

* * *

Весной 1941года я заканчивал 2-й курс учебы в Волчанском педагогическом техникуме. В воздухе все сильнее пахло тревогой, войной. У нас в городе было два воинских гарнизона: авиационный и

артиллерийский. Военных в городе боготворили. На груди у некоторых военных уже были награды — ордена, медали, и мы по-мальчишески завидовали, что еще не доросли до таких наград, до службы в Красной Армии. Все два года учебы у нас в техникуме одной из важных дисциплин было военное дело. Его вел старший лейтенант Ходаровский, командир батареи из местного гарнизона. Он был очень строг, и мы его и уважали, и побаивались. Мы изучали тактику, материальную часть винтовки, ручного и станкового пулеметов, гранаты, строевую подготовку, а девочки — еще и санитарную подготовку. Мы практически учились стрелять из этих видов оружия, метать гранату, а девочки — оказывать первую медицинскую помощь раненым.

К июню 1941 года экзамены в техникуме подходили к концу. Воскресный день, все еще спят. И вдруг хозяйка квартиры, где мы с сестрой снимали по одной койке, часов в 6 утра будит нас одним диким воплем: «Детки — война!».

Война — это очень страшно, и страшно не за себя, страшно за родных и близких, за народ, с которым жил, за ту жизнь, которой уже не будет. Война — это кровь, это искалеченные человеческие жизни, это миллионы калек, беспризорное детство, слезы матерей и вдов, голод, холод и страшные лишения для всех людей страны. Это гибель, смерть молодых людей. Это мы все почувствовали сразу, в первый же день — 22 июня 1941 года. В 12 часов в городе, у громкоговорителей народ собирался большими группами, слушали речь Молотова о вероломном нападении на нашу страну, о начале войны.

В техникуме сказали, что учеба будет продолжаться и завтра всем быть на занятиях. На другой день, сразу после экзамена, нам объявили: немедленно прибыть в военкомат! Нам поручено доставлять повестки о призыве в армию сразу 15 призывным годам. И все закрутилось. Несколько дней мы разносили повестки по квартирам призывников — а это горе и слезы родных.

После окончания экзаменов нам сказали, что на следующий год занятия будут продолжены, и мы разъехались по домам. Осень и зима 1941-42 гг. были гнетущими. Немцы захватывали города, которые были уже недалеко и от нас. Все лето я работал, как и раньше, в совхозе.

Осенью 1941 г. занятия в техникуме продолжались всего два месяца. В октябре, придя в техникум, мы увидели, что у входа стоит часовая с винтовкой. Он сказал, что здание техникума заняли военные и занятия больше проводиться не будут. Вышла директор техникума

и объявила, что нам выдадут справки, кто на каком курсе учится, а студенты мобилизованы на сооружение полосы обороны по р. Северский Донец, где стоит наш город. Всю осень 1941г. мы рыли окопы, укрытия и др. сооружения. Только под Новый год нас отпустили по домам. В январе 1942 года, в течение месяца я прошел в соседнем селе Белянка всеобуч, где учили обороняться, наступать, стрелять и т.д. Бывая в Волчанске, мы видели, что в школах, в нашем техникуме организованы госпитали, где лечили раненых с фронта. Это были первые вестники войны. Война подошла к родному порогу.

И вот в мае 1942 года мы похоронили отца, Бориса Андреевича, который погиб в 5 км от дома. Мужчин его возраста в начале 1942 г. призывали из запаса и здесь же направили на передний край. Погибших хоронили на нашем же кладбище.

Рано утром 25 мая 1942г. на нашем участке фронта немцы перешли в наступление. Шел мелкий дождь. Наша оборона была крайне слаба, и после короткого артиллерийского и минометного обстрела немцы, стреляя на ходу из автоматов, пошли вперед. Наши солдаты не пошли, а побежали, отступая и редко отстреливаясь. Эту картину мы наблюдали со стороны нашего совхоза, местность это позволяла. Немецкие снаряды и мины стали долетать и до нас. Вдруг я заметил, что один солдат бежит к нашему дому, от разрыва снаряда он упал. Я подбежал к нему. Это был солдат, который, в числе других, зимой был на постое у нас. Их периодически, на 2 — 3 дня, выводили с переднего края отогреться и помыться в совхозной бане. Этим солдатом оказался узбек Иштматов (имя я не помню). Он был убит. Хоронить мне его было некогда. После войны мама сказала, что они похоронили его только через несколько дней. А я, взяв его винтовку и подсумок с патронами, пошел воевать! Так, добровольно, я с 25 мая 1942 года пошел защищать Родину. Мне в тот день было всего 17 лет.

С 25 мая до 24 октября 1942 г. — рядовой сборного стрелкового подразделения 28-й армии Юго-Западного фронта. С боями отступали на Великомихайловку, Чернянки, Новый Оскол, Старый Оскол, где в июле 1942 года находился эвакуированный из Курска областной военкомат. Всех прибывших добровольцев, а из нашей местности их оказалось около двух десятков человек, регистрировали через военкомат и приписали к тем подразделениям, где мы оказались при отступлении. У некоторых, как и у меня, были винтовки. Кто был без оружия — использовался в тыловых подразделениях.

На военных складах в Старом Осколе было много военного имущества, обмундирования, и, учитывая, что немцы вели активные бо-

евые действия в направлении на Воронеж и предполагалась эвакуация всех госучреждений из Старого Оскола, это военное обмундирование выдавали войсковым подразделениям. Выдали и нам новенькое обмундирование. В подразделениях, куда нас приписали, мы были поставлены на все виды довольствия.

Немецкая авиация неоднократно бомбила и обстреливала из пулеметов отступающие колонны наших войск, навешивая ночью осветительные ракеты на парашютах; днями бомбили город. Нашему подразделению, в составе части, было приказано отходить на Острогожск Воронежской области, где подготовиться к обороне и не дать противнику с ходу выйти к Дону. 28-й армией в то время командовал генерал-лейтенант Рябышев.

К концу июля 1942 года немцы в ходе боев, стремясь прорваться к Дону, сбили нашу оборону активной бомбардировкой с воздуха. Ночью нашей части было приказано отойти на город Коротояк, который стоит на правом крутом берегу Дона, и обеспечить пропуск больших гуртов скота, который эвакуировали на восток, и колонны сельхозтехники. К утру 26 июля наше подразделение вышло к Дону вблизи города Коротояк. Город горел от бомбовых ударов немецкой авиации, ни одной переправы через Дон уже не было. Тракторы, которые добрались до Дона, с крутой горы самоходом сбрасывали в реку. На берегу скопилось много гражданских лиц, бежавших от немцев. Командир нашей роты старший лейтенант Иванищев, донецкий шахтер, спокойно, по-отцовски, сказал: «Нам приказано занять оборону по ту сторону Дона (это левый берег), переправляться будем на подручных средствах: кто как сможет!» И каждый стал изобретать способ. Все наше подразделение растянулось по берегу, а немецкие «мессеры» поливали пулеметным огнем все живое, что появлялось на водной глади. Нам с товарищем повезло. Мы в камышах нашли ползатоппленный старый челн, вылили из него воду, положили в лодку винтовки, скатки, вещмешки, разделись до подштанников и, в паузах, когда «мессеры» уходили обстреливать подходящих кавалеристов (с нами отступала и кавалерийская дивизия), вошли в воду. Держась за борта по сторонам челна, загребая руками, двинулись на ту сторону. Только наши головы были над водой, но из-за бортов лодки их не было видно. Создавалось впечатление, что по течению плывет разбитая лодка. Так мы добрались до противоположного берега, спрятались под кусты и стали поджидать «счастливчиков», которым удастся добраться до берега. Недалеко от реки было пшеничное поле, колосья уже налились добротным зерном. Отдышавшись, мы заползли

в хлебную ниву и стали «обедать». Выминали из колосьев зерно и горстями подкрепляли свои силы, запивая водой из Дона.

К вечеру наша поредевшая рота приступила к подготовке обороны. Рыли окопы, ходы сообщения, готовились к бою. Но немцы на нашем участке дальше не пошли. Они готовились в наступление на Сталинград, а наша 28-я армия стала самым правым флангом его обороны. Именно к этому времени относится выход приказа Народного Комиссара обороны №227 «Ни шагу назад!» Нам его разъясняли уже в первых числах августа 1942 года. Отступать дальше уже было некуда. Впереди у немцев были Волга и Сталинград, где и наступил великий перелом в войне.

Произошел перелом и в моей судьбе. В конце октября 1942 года отобрали несколько человек из числа грамотных солдат и направили в тыл, в Приволжский военный округ (ПРИВО), город Ртищево Саратовской области, во вновь сформированную 6-ю окружную школу отличных стрелков снайперской подготовки (6 ОШОСП), где я учился и прослужил до конца сентября 1943 года.

Командовал ротой старший лейтенант Тринкин. Там же 7 ноября 1942 года я принял присягу.

В начале июля 1943 года мне присвоили воинское звание младший сержант, назначили командиром отделения. В первой половине октября всю нашу роту направили на станцию Инза Ульяновской области в 53-й учебный стрелковый полк 11-й учебной стрелковой бригады ПРИВО, где формировались маршевые роты для отправки на фронт. Через эту станцию шли эшелоны сибиряков на фронт. В начале ноября 1943 года нас небольшими группами, вместе с сибиряками, эшелонами направили на Западный фронт. Я попал в 212-ю Кричевскую стрелковую дивизию, которая вела бои южнее Старой Руссы, где я в течение пяти месяцев провоевал до конца марта 1944 года. Командовал стрелковым отделением. Ротой командовал старший лейтенант Слепченко. Здесь я и был представлен первый раз к правительственной награде — медали «За боевые заслуги».

В марте 1944 года нашу дивизию вывели на отдых и пополнение после боев в район Валдай—Бологое, где в то время формировался 114-й стрелковый корпус, в составе которого нас по железной дороге передислоцировали в район города Сарны, где мы вошли в состав 70-й армии. А меня перевели в 1009-й отдельный батальон связи. Корпусом командовал до Ковеля, куда он с боями пробивался, генерал Красильников. У Ковеля комкор был тяжело ранен, и его сменил генерал-лейтенант Рябышев, который еще в 1942 году командовал 28-й

армией, где я и начинал воевать. Командир роты у меня был капитан Емец. С боями от Сарн — Ковель — Брест мы шли с большими трудностями. Болота и украинские националисты попортили нам немало крови.

Апрель 1944 г. Бой за город Камень-Каширский был особенно жестоким. В этом городке, еще в 1941 году, немцы окружили часть наших войск, которые оставались для прикрытия отходящих частей и подразделений, а среди местного населения в окружении у немцев оказалось около 1,5 тысяч евреев. Немецкое командование отдало распоряжение: из окруженцев пленных не брать — всех уничтожить. Местные жители (когда мы с боями взяли этот город) нам рассказывали, что всех убитых им было приказано стащить в одну огромную могилу и насыпать курган, чтобы все помнили, что так будет всегда в тех местах, где им будет оказано сопротивление. Когда убитых стаскивали в эту общую могилу, немцы строго за этим наблюдали. Среди окруженцев было много раненых, но немцы приказали валить их в могилу в общую кучу и засыпать землей. Получился огромный курган, земля на котором еще шевелилась несколько часов. К могиле подходить было запрещено. После взятия Камень-Каширского все наши подразделения проходили мимо этого кургана, отдавая дань памяти и уважения и воинам, и гражданским лицам, погибшим и зверски замученным в 1941 году немецкими оккупантами.

В последних числах июля мы завязали бой за город Брест. В штурме принимал участие наш 114-й стрелковый корпус 70-й армии. За активную боевую деятельность, настойчивость и храбрость личного состава корпуса при штурме города корпусу было присвоено наименование Брестский. Наш батальон успешно обеспечивал связью штаб и командование корпуса с войсками, штурмовавшими мощные укрепления противника, обеспечивал управление ими в ходе штурма. За устойчивое обеспечение связью передового командного пункта штаба корпуса ряд связистов был представлен к награждению орденами и медалями. Мое отделение в очень сложных условиях при форсировании реки Мухавец в решающий момент обеспечило надежную связь ПКП корпуса со 160-й стрелковой дивизией, что способствовало успеху штурма главных сил корпуса.

Затем форсировали реку Западный Буг и вышли на польскую территорию. Первым городом, который освобождала наша рота в Польше, было местечко Кодень. Наш корпус в составе 70-й армии с боями шел на Варшаву, освободили предместье Варшавы — Прагу и

Яблону-Легионово, где мне довелось увидеть командующего 2-го Белорусского фронта маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского. Мы готовили ему передовой командный пункт и охраняли его. В ходе последующих боев наша армия в составе фронта повернула на север, к Балтийскому морю с задачей отсечь Восточную Пруссию от Померании, и в марте 1945 года мы вышли к Балтийскому морю. Освободили портовые города Гдыню и Данциг. Наша 160-я стрелковая дивизия освобождала Сопот, Оливу, где я впервые увидел море и попробовал горьковато-соленый вкус морской воды.

Восточная Пруссия была напрочь отрезана от главных сил Германии, а Восточная Померания была полностью очищена от вражеских войск. Это был конец марта 1945 года.

После небольшого отдыха в середине апреля войска корпуса (в корпус в разное время входило 3-4 стрелковые дивизии) в составе армии, после перегруппировки, стали наступать в направлении нижнего течения Одера. Было ясно, что готовится наступление на Берлин, война идет к концу. После небольшого перерыва между боями, ещё когда штаб нашего 114-го стрелкового Брестского корпуса стоял в Оливе, меня перевели на новое место службы — заместителем командира отдельного взвода подвижных средств связи в этом же 1009-м отдельном батальоне, который обеспечивал штаб 114-го стрелкового корпуса связью с входящими в корпус дивизиями — взвод доставлял приказы в подчиненные соединения. В батальон поступили американские мотоциклы «Харлей». Я умел водить мотоцикл, неплохо разбирался в топографических картах (а это было уже в Германии), и это была очень ответственная задача, мне присвоили воинское звание старший сержант. Наш взвод — часть на мотоциклах, часть на «виллисах», а часть верхом на лошадях — обеспечивал штаб корпуса с дивизиями. Батальоном командовал майор Петросян. В этом батальоне я и закончил войну.

В середине января 1945 года в районе города Торн наши войска 70-й армии окружили крупную группировку немцев. Началось активное наступление всех наших войск. Форсировали реку Висла и на ее левом берегу захватили плацдарм. В это время штаб корпуса и наш 1009-й батальон связи еще находился в городе Кульме. Немцы, частью сил, вырвались из окружения у города Торн и пошли по нашим тылам. Количественно около батальона немцы вышли к городу Кульму, порвали все линии проводной кабельной связи, и штаб корпуса лишился устойчивой связи с войсками за Вислой на плацдарме. Все силы

штаба, комендантской роты и остатков нашего батальона связи были брошены на уничтожение этой группы немцев. Командир нашего взвода куда-то исчез, и мне пришлось в ходе боя взять на себя командование взводом. Командир взвода старший лейтенант Пушкин был после осужден военным трибуналом за самовольное оставление поля боя. К утру прорвавшаяся группа немцев была уничтожена, прорваться через Вислу им не дали. А наш взвод, выполнив боевую задачу, в течение нескольких трудных часов восстановил проводную кабельную связь штаба корпуса с войсками на плацдарме, что способствовало наступлению наших войск.

Наш корпус в очень трудных условиях форсировал Одер и, в районе Шверина, встретился с английскими войсками. 2 мая 1945 года, когда мне исполнилось 20 лет без 23 дней, мое пребывание на фронте и участие в войне закончилось. Еще в апреле месяце мне было предложено после войны остаться служить в армии и продолжить службу в танковом училище, на что я дал свое согласие (если, конечно, останусь жив). В той войне мне повезло. Я остался жив, и уже 6 мая 1945 года нас, семь человек из 70-й армии, отправили в город Шнайдемюль, где формировался эшелон в военные училища в СССР. Один вагон — в Орловское ордена Ленина Краснознаменное танковое училище имени М.В. Фрунзе, которое дислоцировалось в городе Балашове Саратовской области ПРИВО.

Наступил новый этап в моей жизни. С 15 мая, за 10 дней до своего 20-летия, я стал курсантом этого прославленного училища. В начале июня 1945 года мне, уже в училище, присвоили воинское звание старшина и назначили старшиной 3-й роты. Командиром роты был капитан Калюка, затем — майор Плохих. Это была прекрасная школа подготовки офицеров-танкистов. Здесь была осуществлена моя мечта. Еще в 1940 году, учась в техникуме, я впервые увидел танки, которые шли с учений через наш город в город Чугуев, и я поставил перед собой цель — стать танкистом, к которой и пришел через 5 лет!

В Орловское танковое училище, в город Балашов, я приехал в конце войны. В 1947 году все училище было передислоцировано в город Ульяновск, где я его и закончил в октябре 1948 года по первому разряду. Я имел право выбирать место службы по выпуску из училища и выбрал прославленную гвардейскую ордена Ленина Краснознаменную Кантемировскую танковую дивизию (Московская область, город Нарофоминск), где и начал офицерскую службу в декабре (после отпуска) 1948 года. Кончилась война, закончилась учеба в военном училище, началась офицерская служба:

декабрь 1948—октябрь 1950 — командир танкового взвода 43-го гвардейского тяжелотанкового самоходного полка 4-й гвардейской танковой дивизии (43-го гв. ТТСП 4-й гв. ТД);

октябрь 1950—ноябрь 1953 — командир танковой роты (там же);

ноябрь 1953—декабрь 1954 — командир тяжелотанковой роты ИС-3 (там же);

декабрь 1954—август 1955 — начальник штаба танкового батальона (там же);

сентябрь 1955—октябрь 1958 — слушатель Бронетанковой (БТ) академии имени И.В. Сталина, Москва.

Так, с 25 мая 1942 года до 21 ноября 1958 года, т. е. 16,5 лет, я честно служил Отечеству в Красной Армии и Вооруженных Силах Советского Союза, в том числе с 25 мая 1942 года по 9 мая 1945 года непосредственно участвовал в боевых операциях Великой Отечественной войны. Защищать Родину пошел в самые трудные годы отступления наших войск добровольно!

В годы службы в 4-й гвардейской танковой Кантемировской дивизии, а затем в период учебы в Академии Бронетанковых войск я принимал участие в 12 парадах на Красной площади в Москве. В восьми парадах (1949—1952) по два парада в год — в мае и ноябре — на танках, командуя боевыми подразделениями, а четыре парада — в пешем порядке, будучи слушателем Академии (1956—1957). За участие и отличное проведение парада на боевых машинах нам объявлял благодарность в письменном виде сам И.В. Сталин.

С ноября 1958 года, окончив Командный факультет академии Бронетанковых войск с золотой медалью, я имел возможность надеяться на хорошую перспективу по службе в Вооруженных силах страны, но, в силу сложившихся обстоятельств и будучи приученным к дисциплине, я пошел на не знакомый мне участок работы, но нужный Отечеству — в военную контрразведку. Это служба тоже в Вооруженных силах страны и тоже в танковых войсках, но специфика, роль и обязанности по службе другие — обеспечение безопасности войск от разведывательно-подрывной деятельности специальных служб противника (а противников у нас всегда хватало), прежде всего от шпионажа, террора, диверсий, вредительства, от измены Родине и других особо опасных видов государственных преступлений.

С 21 ноября 1958 года по 17 ноября 1987 года, 29 лет, я последовательно прошел все должности — от заместителя начальника Особого отдела танковой дивизии до начальника Особого отдела воен-

ного округа. Руководил отделами Уральского, затем Забайкальского военных округов, в течение двух лет выполнял интернациональный долг в Афганистане (а это тоже война), дослужился до воинского звания генерал-майор. Награжден 5 боевыми наградами и многими медалями, имею высшую профессиональную награду «Почетный сотрудник госбезопасности».

У нас с женой Полиной Васильевной, с которой мы прожили 52 года, два сына, оба военные, пять внуков, двое из них — офицеры-пограничники. Так что прожили жизнь не зря, вырастили себе смену. За многие годы службы мы 15 раз меняли места проживания в связи с переездом по службе. У нас много друзей, что помогает жить; встречи с ними прибавляют силы.

Есть и всегда будет такая профессия — защищать Родину. Я всю жизнь шел этой дорогой. Дорога была тернистой, ухабистой, трудной, но интересной. Я прожил счастливую жизнь, прожил честно. Мне не стыдно смотреть людям в глаза. Я старался подать добрый пример своим сыновьям и внукам, всем тем, с кем сводила меня судьба. Понятие о порядочности для офицера выраженное словами «Честь имею!», я старался доказать делом.

Декабрь 2002 г.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Королев Павел Владимирович**, студент 3-го курса Московского авиационного института